

В Петербурге она танцует на сцене Мариинского театра под овации, ей преподаносят море цветов. Недавно в Швейцарии поработала в труппе Мориса Бежара. В Государственном Центральном концертном зале Москвы прошел «Вечер балета» с ее участием. Хрупкая, совсем юная, она упорна и целеустремленна, при этом обаятельна, улыбкива, искренна. Анна Плисецкая не очень довольна, что многие ее пока воспринимают прежде всего как племянницу великой балерины: Анна хочет быть самой собой.

**Анна
ПЛИСЕЦКАЯ:**

«Балет — искусство серьезное, но не серьезнее, чем война»

— Анна Александровна, что думаете вы о своей работе?

— Стоит ли говорить о работе? Особенно о будущей: а вдруг не сбудется? Считается, что надо участвовать в концертах, шоу... Я же стремлюсь совсем к другому. В 20 лет люди еще ищут себя. А я человек очень деятельный, организованный. И поняла, что моя сущность опережает возможности. Сугубо технически еще очень много надо сделать. Сейчас составляю новые комплексы гимнастик, хочу наработать новый репертуар. Я как кот, который притаился за углом, чтобы прыгнуть. Не могу соглашаться на участие в многочисленных гастролях, спектаклях. Сейчас дам в Петербурге 6 концертов по два-три номера, но лишь для того, чтобы почувствовать себя в пачке.

Вот предложили поехать в Японию на месяц. Но я еще не могу танцевать в «Лебедином озере» на уровне подлинных звезд! Не хочу, чтобы говорили: она не тянет.

— Кроме балета, что вас особенно интересует?

— Я должна поставить спектакль. Должна сдать в сентябре экзамены в консерватории за первый курс. Составить свой комплекс гимнастик и снять о нем фильм. Это большая работа.

— Аня, что предшествовало Мариинскому театру?

— Вагановское училище. Восемь лет в интернате. Не могу сказать, что это было самое счастливое время, но моментами очень интересное. Неважно, какое училище заканчиваешь, важно, какие рядом педагоги. Учеба изнашивала организм, мы росли не совсем здоровыми детьми, не было правильного питания. Первая зарубежная поездка состоялась в выпускном классе. Париж, Амстердам. В Париже был юбилей Эйфелевой башни, и я танцевала «Пламя Парижа». Мы увидели их школы, их специальные тренажеры, даже пол у них устроен по-особому. Там ученики все в форме, правильно выучены, у них правильная техника стоп; то, чего нет в нашей школе.

Я хочу жить дома, в России. Я уже везде побывала, кроме Антарктиды и Австралии. Но если хочешь работать в своей родной стране и у тебя есть идеи, то «пробить» их очень непросто. Не люблю, когда мешают работать. Поэтому уважаю политику Театра классического балета: его руководство не связывает артиста, дает возможность делать то, что он хочет.

— Не хотите говорить о планах, но о мечте-то можно что-нибудь сказать?

— Нет определенной мечты. Есть путеводная звезда, и я стремлюсь к этой звезде. Во мне много сил, у меня масса конкретных желаний, и иногда я слишком разбрасываюсь собой.

— Но если ставите цель, то достигаете?

— В общем, да. Но дело ведь не в том, чтобы поставить галочку, важно, как выполнил дело, на каком уровне. Чтобы это было блестяще. Иначе быть не может. Вообще-то я только начинаю. Очень многие уже в 16 лет добиваются блестящих результатов. В основном на Западе, потому что там не боятся техники, сложностей. 22 года, как мне сейчас, для артистки балета уже не ранний возраст; но для меня все равно лишь начало. Очень помогла работа у Бежара: там я поняла, что надо действовать.

— А как вас приняли у Мориса Бежара?

— Очень здорово. Но, думаю, тут сработала фамилия. Бежар сразу стал делать со мной роль Марии, матери Иисуса. Его балет описать очень сложно, он не классический, хотя на классической основе, но далеко перешагивающий возможности классического балета. Все то же самое, но в миллион раз больше. А наши артисты консервативны.

Фотографии, фотографии. Совсем еще маленькая Аня с папой в Перу, в Лиме; для участия в национальном карнавале мама сшила ей пачку, как настоящей балерине.

— Сначала ездила с родителями, что называется, «в чехмодане». Мы с отцом были единым целым. Я — его копия. Были моменты, когда мы по году не виделись, он уезжал. А когда я поехала в училище, он сильно переживал. Он все переживал остро, у него было нездоровое сердце. Мне было 14 лет, когда он погиб. И все перевернулось. Жизнь покатила вверх тормашками, что-то внутри сломалось, как стекло. И сейчас — очень редкие моменты, когда чувствуешь себя самой собой, гармонично. Фактически не отдавая себе отчета, исполняешь ту или иную роль.

Неправильно, когда балерины стоят у зеркала и выстраивают какие-то линии. Все исходит из внутреннего ощущения: и роли, и линии движения. Должно быть понятие красоты. Гельцер, ранняя Преображенская выстраивали свои линии, и в них была эстетика (большие парики, высокие прически). У нас же считается, что только вот эти позиции и есть красиво, а остальное уже неклассический танец, а характерный. Тогда уж давайте заниматься только классическим танцем, потому что все остальное — лишь подражание. Если танцевать испанский танец, тогда давайте изучать настоящее «фламенко», как Антонио Гадес, как Хосе Антонио, Кармен Рочи.

— Аня, а нет у вас ощущения, что слишком рано закончилось детство?

— У меня детства не было. В 10 лет уехала в интернат, и дальше муштра, 30-градусные морозы. Мне казалось тогда, что я подвиг совершаю. Для изнеженного ребенка, который рос в Южной

Америке, это было сущим адом. Но я сама выбрала. Такую полосатую жизнь.

— Вы сыграли роль Джейн в фильме «Мери Поппинс», это единственная ваша работа в кино?

— Нет, были польские фильмы, германские. Мне прочили судьбу киноактрисы. Только я не стремилась в кино.

— Срывалось ли то, что вы задумывали?

— Ни разу.

И снова фотографии... Первая роль в театре. Неаполитанский танец.

— На этом снимке я похожа на свою бабушку. На сцене я как рыба в воде. Для меня она — больше жизнь, чем сама жизнь. Я себя очень органично чувствую на сцене.

— Если не балериной, то кем могли бы стать?

— Не знаю. Заниматься профессионально я хочу только балетом. Люблю читать. И писать — рассказы, стихи. Люблю снимать на видео. В Брюсселе целый месяц снимала кино. Во мне было много мальчишеского, а когда поняла, что все же я не мальчик, решила, что нужна женская профессия. Но учусь на сценического режиссера.

— Какая музыка, помимо классической, вам по душе?

— Есть идея — поставить спектакль по Фредди Меркьюри. На своих вечерах я уже несколько раз танцевала под такого рода музыку, но надо еще почитать о его жизни, о дисках...

— У вас есть кумиры в балете?

— Нет. Балет — искусство серьезное, но не серьезнее, чем война.

— Что для вас неприемлемо в балете?

— Халтура. Вот взгляните: на этом снимке мне 10 лет. Я только-только поступила в училище, и мой первый танец был «Шурале», татарский, для него заплели 8 косичек. И было это в честь 80-летия Петра Андреевича Гусева, человека, сделавшего невероятно много для нашего балета. После спектакля он вышел на сцену и спросил: «А где та девочка, которая так славнo танцевала? Как твоя фамилия?» — «Плисецкая» — «Что? Издеваетесь над стариком?» Не поверил, принял за неостроумную шутку.

— Что вам ближе, одиночество или шумные компании?

— Одиночество. Меня часто не понимают. И понимать других я не собираюсь.

— Дружья есть?

— Есть. Но кого можно назвать «друзьями»? Я так называю многих, доверяю им, раскрываю душу. После чего часто об этом жалею. Люди делают несправедливые вещи.

Вот наш класс, наш инструктор Васильева. Я тут в серединке, впереди всех. Самая маленькая в классе.

— В каких отношениях вы с Майей Михайловной Плисецкой?

— Мы с ней очень мало общались. Не знаю, одобрила бы она мой выбор профессии... И не знаю балерину более гениальную, чем она. Второй Плисецкой уже не будет.

— Как вы определите свой характер?

— Очень неуравновешенный. Но упорный. Не мягкий, но доверчивый. Если и врала, то случайно.

— Водите машину?

— Да, слома голову! Я рисковала, лазила по деревьям, прыгала в окна. В три года побежала в океан, меня унесла волна. Едва спасли.

Балерину навестила

Екатерина МЕТЛИНА.

Фото из архива балерины.

24.9.94

Плисецкая Анна